

Такая профессия

Имя этого человека на слуху у многих горожан: доцент Камышинского технологического института, кандидат технических наук Валерий Степанович Галушак, оказывается, еще и чернобылец. В преддверии 32-й годовщины трагической катастрофы специалист-атомщик стал гостем нашей редакции.

«27 апреля 1986 года утром я зашёл в комнату гостиницы к своему коллеге с Чернобыльской АЭС, так как мы вместе должны идти на занятия курсов повышения квалификации резерва руководителей атомно-промышленного комплекса СССР, которые проходили в г. Обнинске. «У нас авария на ЧАЭС, что-то серьёзное с РБМК 4», - встревожено сказал он мне. «Ну что там может быть серьёзного? - возразил я. - Наверное «закозлились» пара-тройка каналов».

Ну, на крайний случай десяток. Высверлят, заменят – не первый раз, на уран-графитовых реакторах это дело обычное. Но объём катастрофы стал мне понятен только после того, как я по решению правительственной комиссии был вызван на ликвидацию последствий аварии на должность начальника штаба, куда прибыл 9 сентября 1986 года. Я стал пятым и последним начальником штаба ЛПА, который руководил завершающим этапом захоронения фрагментов взорвавшегося реактора №4. Предыдущие четыре, выполнив огромный объём опасной работы, получили высокие дозы облучения, не совместимые с их дальнейшим пребыванием в радиационной зоне, и были госпитализированы.

Я принимал фронт работ от четвёртого начальника штаба ЛПА Ю.Н. Самойленко, на плечи которого выпала основная доля работ в атомном пекле. В процессе стажировки уяснял состав сил и средств, какими располагал штаб, средства связи и технологического телевидения, способы взаимодействия с военными подразделениями, выполнявшими работы. Были уже установлены remotely управляемые мощные гидранты, применялись роботы различного назначения, функционировали сверхмощные краны «ДЕМАГ» с вылетом стрелы около 150 м. Авария на ЧАЭС была не первой в мировой практике: похожая произошла в 50-е десятилетия в Англии, но Чернобыль стоит особняком из-за огромного объёма выброшенных в

окружающую среду радиоактивных осколков, в том числе делящихся материалов – урана 235 и плутония 239. Образно говоря, это был целый железнодорожный состав высокоактивных отходов, которые необходимо изолировать от окружающей среды.

Конечно, я уже имел опыт работы с разрушенными тепловыделяющими сборками, так как по окончании института, получив профессию атомщика, как молодой специалист был направлен в глубь страны в «почтовый ящик», где имелись горячие камеры для работы с высокоактивными материалами, в том числе и ядерным топливом. Там и получил определённые навыки, которые теперь надо было применить в огромных масштабах. Сложность состояла в том, что здесь тепловыделяющие сборки с ядерным топливом и высокоактивными продуктами деления цепной ядерной реакции были перемешаны со строительным мусором, железными конструкциями и блоками графита. Поэтому лишь с открытых площадок кровли реактора №3 удавалось сбрасывать отходы вниз на песчаную подушку, а затем погружать их в контейнеры и захоранивать в торце блока 4. В других зонах, особенно под трубой и на её площадках, работы могли выполнять только люди. Отходы вручную укладывались в контейнеры, которые краном подавались на нулевую отметку и далее на захоронение. Уровень доз облучения в определённых зонах был так высок, что даже военные дозиметры не могли дать никаких значений – их просто зашкаливало. Для того чтобы выдерживать нормативные 20 Бэр, определённые как допустимые для «ликвидаторов», время нахождения человека в зоне, рассчитанное дозиметристами, иногда составляло 18-20 секунд.

По мере увеличения полученной дозы облучения для меня, имевшего в свои 38 лет личный опыт радиоактивного облучения, становилось понятно, что здоровье неизбежно подорвано, и это само собой разумеется, так как здесь идёт смертельная схватка, цена ей - твоя жизнь. Но такова судьба мужчин - в лихую годину вставать на защиту детей, стариков, женщин, ибо десятки тысяч юри радиоактивных газов и аэрозолей, которые отшнуровывались с взорвавшегося реактора, несли смерть всему живому на сотни и тысячи километров вокруг. Остановить это могли только мы – «ликвидаторы». В годы Великой Отечественной войны в известной танковой битве под Прохоровкой участвовало 1 000 танков. На ликвидацию последствий катастрофы на ЧАЭС выходило до 35 000 человек в сутки и до 9 000 различных машин и механизмов в день. Такова была чернобыльская битва. Однако наши работы шли без выходных и праздничных дней, и шаг за шагом радиоактивные зоны очищались одна за другой. Их мы называли женскими именами «Елена», «Людмила», «Надежда»... Это придавало некоторый шарм в общении мужчин.

Каждый день к 17 часам я спускался с реактора и выезжал в Чернобыль на заседание правительственной комиссии, где докладывал о ежедневном ходе работ. Там же решались все основные вопросы обеспечения силами и средствами зоны работ. Месяцы шли один за другим, дни быстро сокращались, поздно светает, рано темнеет - времени на выполнение заданий становилось всё меньше и меньше. Светочувствительности тогдашних телевизионных камер не хватало, и мы установили мощные прожекторы, освещавшие зону деятельности. В декабре выпал обильный снег, общий радиационный фон снизился, и постепенно наши работы подошли к завершению. Вскоре правительственная комиссия утвердила выполненный ЛПА первоочередной объём работ, и 25 декабря 1986 года, передвигаясь из последних сил, я покинул тридцатикилометровую зону, как потом оказалось, навсегда».